

УЗЫ БЕЛОГО ЛОТОСА

АДЕЛА
КЭТЧЕР

Слышишь?
Это зов твоей родственной души

Адела Кэтчер
Узы Белого Лотоса
Серия «Young Adult. Узы
Белого Лотоса», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71664325
Узы Белого Лотоса: Эксмо; Москва; 2025
ISBN 978-5-04-218908-1

Аннотация

НОВИНКА «УЗЫ БЕЛОГО ЛОТОСА» ОТ НЕПОДРАЖАЕМОЙ АДЕЛЫ КЭТЧЕР, АВТОРА КНИЖНОГО ХИТА «ТЫСЯЧА ЭПОХ. ИСКУПЛЕНИЕ»!

Всем нам нужен кто-то, кто, глядя на нас со стороны, захочет защитить от всех невзгод. Люди, вопреки распространенному мнению, не влюбляются в картинку или идеальную внешность. Порой достаточно искренней улыбки и горящей внутри веры. Веры в то, что на вопрос «Зачем?» рано или поздно найдется ответ. И он будет очень коротким. «Потому что ты этого заслуживаешь».

Токио, Япония, наши дни.

Молодой архитектор из Китая, Ло Кай, приезжает в город для работы над проектом по реставрации. Он сосредоточен на

карьере, а его жизнь упорядочена и расписана в деталях наперед. Кажется, что так будет всегда.

Но в один день Ло Кай встречает молодого мужчину, Цай Яна, который сам рано стал сиротой и в одиночку воспитывает двенадцатилетнего ребенка. Судьба Цай Яна наполнена трагедиями и потерями, но его жажда жизни, стремления и мечты так заразительны, что Ло Кай не может сопротивляться желанию помочь ему и мальчику под его опекой.

Смогут ли разбитые семьи сплотиться?

И какую цену им придется за это заплатить?

«Узы Белого Лотоса» – светлая, пронизанная восточной мудростью история о вечных человеческих ценностях: семье, которая не ограничена кровным родством, дружбе, которая проверяется временем и доверием, и добре, живущем в каждом сердце. Современная Япония, обретенные семьи, вера в чудо, слова, после которых хочется жить, – все это есть в книге «Узы Белого Лотоса».

Для любителей творчества Мосян Тунсю и Габриэля Коста.

«Нежная и трогательная история о важности маленького чуда в жизни каждого; о семейных узах, скрепленных не кровью, а взаимоуважением, доверием и совместным преодолением всех тягот жизни; о бесценной дружбе и безусловной любви к ближнему. Очень душевно!» – *Лита, автор канала «Тирлимбомбом»*

Иллюстрации внутри блока от известного молодежного художника HerbstRegen.

Содержание

Пролог. Токио	6
Глава 1. Краски	15
Глава 2. Капли	39
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Адела Кэтчер

Узы Белого Лотоса

© Кэтчер А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

*Моим родителям.
За веру в Семью.*

Пролог. Токио

*And even though the streets are filled with pain
There's a part of me that always wants to stay
In your town
And time stays frozen, all seems golden now.*

➤ *LP – Your Town*

Токио пахнет теплой горечью. Каждый раз, когда мы встречаемся с этим городом, он ведет себя как обиженный, но преданно ждавший все это время друг. Хорошо пройтись по залитым ярким солнечным светом улицам без тротуаров ранним утром и выпить кофе в кофейне рядом со станцией Акасака-Мицукэ, где готовят пончики с клубникой и разрешают выкурить сигарету на крытой веранде в дождь – прямо рядом со знаком «курить запрещено».

Токио в принципе мало что запрещает. Город притворяется строгим и слишком помпезным для такого маленького тебя. Смотришь вечером на разгорающееся над головой море огней в окнах небоскребов и зажженные красные фонарики в гирляндах и думаешь, какое такому роскошному господину дело до тебя, такого незначительного.

А потом понимаешь, что в этом тоже есть свой шарм. В чувстве бесценной потерянности. Когда ты не принадлежишь никому и никто не принадлежит тебе. Ни правил, ни

ограничений, ни запретов, только ты и город, сияющий ночами так, что боги щурят глаза и отворачиваются, и бледнеющий днем до туманно-серого, когда только люди делают его пестрым.

В Токио не бегут от одиночества – его ищут. Ищут очень осторожно, чтобы не окунуться в него с головой, но держать на коротком поводке, всегда рядом, с целью притянуть поближе в любой момент.

Мой магазин – тот самый поводок, который помогает одиночеству, царящему вокруг, перестать быть абсолютom. Вот эти голубые конверты – по десять штук в одной прозрачной упаковке – из красивой и плотной шероховатой бумаги скоро отправятся на материк. А вот эти открытки, рядом с которыми я бережно устраиваю оранжевые, как спелые тыквы, наклейки на Хэллоуин, разлетятся по Хонсю: в Хиросиму, Киото, Химэдзи, Камакуру и Оцу.

Хрустящая белая бумага, ленты, тонкие кисти, маленькие коробочки, пахнущие бамбуком, разноцветные печати и легкомысленные клейкие ленты с изображениями кроликов, карпов кои и лисиц – все это заставляет моих посетителей замереть у стоек и прилавков с легкой полуулыбкой. Я знаю, о чем они все думают. Воображают, как их послания преодолеют сотни или тысячи километров и окажутся в ласковых руках, по которым каждый из них так скучает.

Выходя из моего магазинчика, люди отправляются на почту в конце квартала, в кофейню на углу узкой улочки или

к себе домой, чтобы сесть за стол, выдохнуть и что-нибудь написать, хотя бы черкнуть пару строчек или короткое «я скучаю».

В расцвет современных технологий почта и то очарование, которое всегда витает над простыми бумажными письмами и открытками, нисколько не утратили своего значения. Оно по-прежнему здесь: в шелесте листов с узором из маленьких облаков по нижнему краю, в хрусте конвертов и гладком прикосновении к подушечке пальца почтовой марки за 82 йены.

Я люблю каждую улыбку, что вижу на лицах незнакомцев, каждый мимолетный взволнованный жест, когда они расплачиваются на кассе и вспоминают, что забыли купить маленькие шоколадки с зеленым чаем, которые не растают в пути, особенно если сложить их в бумажный пакет и устроить бережно в уголке коробочки.

Но я отвлеклась.

Это очень нежная и немного грустная история. Да, вам будет грустно. Возможно, если у вас хрупкое и чуткое сердце, вам даже придется смахнуть пару слезинок со щек, когда вы будете слушать ее. Но эта грусть будет светлой, поверьте. А еще вам наверняка захочется вдохнуть воздух Камакуры, пропахший океанским теплом, ощутить, как струится по коже теплый ливень в бамбуковой роще в Арашияме, увидеть, как пустеют улицы Киото, едва солнце проваливается за горизонт по вечерам. И обнять тех, кто вам дорог.

Почаще обнимайте тех, кто вам дорог. Даже если вы только что пришли сюда и только уселись с чашкой кофе или чая, чтобы выслушать меня, и еще не предполагаете, что за историю узнаете. Сделайте это прямо сейчас. Я подожду здесь.

А если не можете обнять, на полочке слева, той самой, которая похожа на полукруглый пьедестал из состаренного дерева, вы найдете бумагу для писем и плотные конверты, украшенные изображениями белых цапель и цветущих лотосов. Возьмите и напишите то, что хотите сказать.

И если некуда отправить – просто сожгите. Пусть звезды увидят это и донесут туда, куда вам не попасть.

Они заходят ко мне по четвергам, когда я успеваю выпить первую чашку кофе и принимаюсь за составление маленьких композиций из засушенных цветов и трав, которые так любят класть в посылки те юные девы, что забегают в мой магазин, всегда взволнованные и нежные.

Ему двадцать восемь. Я не догадалась, нет, просто спросила. Если бы довелось мне угадывать, я едва ли дала бы ему двадцать. Черты лица тонкие и живые, умный и ясный взгляд, звенящий голос и задорная улыбка, за которой и не определишь сразу, что же там на сердце. Он носит длинные волосы – чуть длиннее, чем того требует какая-то мода, от которой я далека, – и часто собирает их набок так, что кончики слегка щекочут ему шею и ключицы, и он задумчиво теревит их пальцами, пока рассматривает открытки.

С ним всегда приходит мальчик. Ему двенадцать, и он без

исключений первым делом подходит к моей маленькой стойке в конце магазина, чтобы поздороваться, и только потом направляется к полочке с почтовыми конвертами. Он любит красный и голубой цвета, как я уже успела за это время определить по его выбору. Чтобы его порадовать, я всегда бросаю в пакет наклейки для писем с алыми фонариками и нежными облаками, словно складываю воедино огненную осень и ледяную зиму.

Они не родственники, эти двое, но если вы взглянете на них, несомненно, увидите ту привязанность, которую и не различишь порой даже между отцом и сыном, дядей и племянником, братом и братом.

Такая привязанность – с одной стороны, осторожная и чуть взволнованная, с другой – искренняя, благодарная, – бывает лишь между сиротой и заботливым человеком, который сам еще не перестал быть ребенком, но уже вынужден принимать взрослые решения.

Мальчик, Сун Бэй, – сирота. Это я поняла в первый же день, когда увидела его и встретила его взгляд. Добрый и открытый, вопреки распространенному мнению о брошенных детях этого возраста. Он никогда не обращается к своему взрослому спутнику иначе, чем «господин Цай».

И даже когда я со своего места вижу, как задумывается о чем-то Цай Ян – он представился, сказав, что теперь они живут в этом районе, когда они зашли ко мне впервые, – он все равно всегда улыбается, оборачиваясь, когда слышит это

«господин Цай».

Это очень нежная история. Из тех, что заставляют нас верить в то, что звезды слышат каждого, а кому-то – даже отвечают.

Конечно же, это так.

Ведь я же здесь. И я говорю с вами.

* * *

Закрепленный напротив тяжелой двери фурин переливается тонким звоном. И этот звук успокаивает, в отличие от вибрирующего в кармане пиджака телефона.

– А-Кай¹, я жду тебя у входа. Ты далеко? – слышится на другом конце связи голос брата.

– Нет, буду через десять минут. Зашел купить ручку.

В трубке на мгновение повисает молчание, и за это время Ло Кай успевает окинуть взглядом небольшой магазинчик, но не найти с ходу то, что ищет.

– Ручку? – переспрашивает Ло Юншэн. – Твой ноутбук у меня, как ты и просил. Зачем тебе ручка?

– Ты знаешь, что я всегда все записываю, – спокойно отзывается Ло Кай, кивая женщине за стойкой, которая поднимается со своего места, увидев его, и слегка кланяется в знак приветствия. Слова «добро пожаловать» читаются по

¹ В китайском языке «а» перед именем обозначает ласковое обращение к детям, младшим членам семьи или младшим друзьям.

ее губам, но она не произносит их, чтобы не отвлекать его от разговора.

– Уверен, в огромном бизнес-центре точно найдется пара ручек для тебя, – продолжает брат.

– Я скоро приду. Пожалуйста, подожди меня внутри – на улице жарко.

– Меня это не тревожит, я люблю, когда тепло, – усмехается Ло Юншэн. – Так и скажи, что тебе просто захотелось прогуляться по Токио.

– Не совсем.

– Да, меня тоже не радует эта встреча. Куда с большим удовольствием я бы съездил в такую погоду к океану.

– Не получится, мне нужно работать, – отвечает Ло Кай, продолжая искать глазами ручки. Он ошибся магазином? С витрины все выглядело так, будто здесь продают канцелярские товары.

Женщина за стойкой переводит взгляд за его спину, и ее худощавое лицо озаряет улыбка.

– Госпожа, а такие есть красные? – слышится позади, и Ло Кай, еще раз пообещав старшему брату вскоре присоединиться к нему, сбрасывает вызов.

– Я заказала, сегодня привезли, – жизнерадостно говорит хозяйка магазина и исчезает за стойкой.

Обернувшись, Ло Кай видит мальчика в белой футболке с ярко-красной кепкой, которую тот держит в одной руке. В другой у него – небольшая пачка листочков для писем с зе-

ленным узором по краю. Подняв на него взгляд, ребенок улыбается и откладывает бумагу, выживая с края полки рядом простую шариковую ручку.

– Господин, это вам. Других здесь нет, только кисти, – приветливо говорит он, протягивая ее Ло Каю.

Он говорит на китайском, кстати, как и хозяйка магазина. Не редкость для Токио, но забавное совпадение в первый же день его приезда в японскую столицу.

– Спасибо, – говорит он, забирая из его пальцев ручку. Подойдет, пока он не доберется до своих вещей, которые доставили в отель, чтобы вернуть свой Parker на законное место в кармане пиджака.

Он уже собирается подойти к кассе, чтобы расплатиться, когда из-за высокой крутящейся стойки с открытками появляется еще один человек, который так наклонился в сторону, что его длинные волосы, сцепленные сбоку двумя неширокими резинками – у самого уха и ближе к кончикам, – свесились с плеча.

– А-Бэй, смотри, тыковка! – с этими словами он машет зажатой в пальцах открыткой, с которой широко улыбается хэллоуинская тыква. Несмотря на середину сентября, в Японии уже вовсю готовятся к этому празднику.

– Господин Цай, мы же договорились, что в этом году празднуем твой день рождения, а не Хэллоуин, – отзывается мальчик, который дал Ло Каю ручку. Кроме них двоих и хозяйки, в магазине только одна девушка у дальних полок с

цветными клейкими лентами.

– Никто не мешает совместить, – продолжая ярко улыбаться, говорит тот.

– В прошлом году все закончилось тем, что ребята нарядили тебя в черный балахон, назвали демоном и ты весь вечер развлекал их. А должно быть наоборот, – веско отвечает мальчик.

«Господин Цай» надувает губы.

– А по-моему, мне все это очень даже шло!

– Можешь надеть то же самое.

– Ах ты! Но тыковку я все равно возьму!

Мальчик смеется и спешит к стойке с кассой, когда хозяйка магазина подзывает его. Ло Кай моргает, опуская взгляд на зажатую в пальцах ручку. Он так отвлекся на этот странный разговор, что совершенно забыл о времени. Брат Юншэн, наверное, уже решил, что он скупил все ручки в этом районе.

Пока он расплачивается, мальчик рассматривает приготовленные для него листы для писем.

Ло Кай никак не ожидает, что, когда он уже соберется наконец уходить, тот поднимет взгляд, улыбнется и скажет:

– До встречи, господин.

Глава 1. Краски

*Gave love 'bout a hundred tries
Just running from the demons in your mind
Then I took yours and made 'em mine
I didn't notice 'cause my love was blind.*

↪ *Halsey – Without me*

– Доброе утро, господин!

Утро Ло Кая всегда начинается одинаково, где бы он ни находился. Он рано ложится спать и рано встает, и этот режим, который соблюдается годами, вложен в него с самого детства. Им с братом Юншэном как-то и в голову не приходило спрашивать, почему он именно такой. Наверное, потому? что так действительно лучше: получается успеть многое сделать за день и решить все необходимые вопросы в рабочее время, а не ночью. Когда Ло Кай учился в университете, он всегда недоумевал, почему все его однокурсники поголовно не высыпались по ночам в период сессии. Ведь это совсем несложно – взять и выучить билеты в течение дня. Однако в этом его мало кто понимал.

Девушка за стойкой ресепшна приветливо улыбается и кланяется. Ло Кай отвечает ей тем же и подходит к дверям лифта. Сегодня суббота, так что никаких встреч не запланировано. Это значит, что он может спокойно заняться прора-

боткой проекта. На самом деле все самое полезное и нужное, что они делают, невозможно решить на собраниях, на которых все важные вопросы можно обсудить за десять минут, а остальное – ненужные слова, выброшенные на ветер ради серьезной и деловой атмосферы. Поэтому Ло Кай любит выходные – время, когда можно действительно поработать, а не переключать все с места на место. Ло Юншэн иного мнения. «Разрешения, документы, формальности, А-Кай, куда сейчас без них?» Возможно, поэтому этими самыми «формальностями» занимается чаще всего именно брат.

Лифт открывает перед ним блестящие в свете ламп двери и издает приветливый звук. В Японии все приветливое, даже лифты. На первом этаже здания находятся магазин и ресторан, принадлежащий отелю, ресепшн – на втором. Это не очень удобно, Ло Кай куда с большим удовольствием спустился бы по лестнице, но утром ею пользуется только персонал.

На улице царит привычная токийская жара, которая в середине сентября становится, кажется, только гуще, а еще наполняется запахом мокрого асфальта, потому что по ночам нередко идут дожди. Ло Кай раскрывает белый матовый зонт, чтобы укрыться от яркого солнца, и направляется к кофейне в самом конце квартала.

Токио не спит совершенно никогда и даже в восемь утра в выходной наполнен людьми. Кто-то спешит за покупками, кто-то – на работу, кто-то – на прогулки. Даже у некоторых

школьников есть занятия, чаще дополнительные или в кружках по интересам. Ло Кай тоже во времена своего обучения в Китае даже по воскресеньям ходил на частные уроки по истории, так как не видел смысла делать перерыв в получении знаний лишь по причине смены дня недели.

В кофейне практически пусто, лишь молодая пара, в которой сразу можно узнать иностранцев, сидит в самом дальнем углу, развернув какие-то карты и маршруты, занимающие большую часть маленького стола. Сентябрь – один из самых популярных месяцев в Японии для туристов. Ло Кай искренне не понимает почему – самое красивое время в этой стране наступает с середины октября или даже ближе к началу ноября, когда все леса и горы окрашиваются в коралловый цвет из-за листьев кленов момидзи.

Девушка за столиком, внимательно изучающая карту, прикладывает запотевший стакан с ледяной водой ко лбу. Это еще одна причина, по которой сентябрь – не лучший месяц в году в Японии. Слишком жарко. Для иностранцев явно непривычно.

Ло Кай из всего свободного зала выбирает столик на одного в углу у окна и заказывает кофе. Ему нужно многое изучить за сегодня, так что он делает лишь один глоток и сразу отставляет чашку за ноутбук, погружаясь в чтение.

Через полчаса в WeChat приходит сообщение от брата:
«А-Кай, дядя ждет нас на обед в час. Я стучался к тебе в номер, но тебя не было. Где ты?»

Ло Кай делает еще один глоток кофе и набирает ответ:
«В кофейне у станции. Планировал сегодня поработать».
«Я не удивлен. Ладно, буду ждать тебя в отеле к полу-
дню, поедem вместе».

«Хорошо».

Он едва успевает снова вернуться к чтению, когда в ти-
шине зала, где играет лишь фоновая приглушенная музыка,
которую почти не слышно, раздается топот, а следом – гром-
кий возглас:

– Ячи-сан, есть еще салфетки?

Голос кажется Ло Каю знакомым, и он поднимает взгляд,
чтобы увидеть, как с лестницы, уводящей на второй этаж по-
мещения, быстро спускается молодой мужчина, в котором
он узнает человека из магазина канцелярских товаров. Не
будь у Ло Кая такой хорошей памяти на лица, имена и даты,
он бы все равно его запомнил – почему-то, едва появившись,
тот умудряется заполнить собой все пространство, на него
невозможно не обратить внимания. И кажется, Ло Кай даже
знает почему.

«Господин Цай», как его называл мальчик, передавший
тогда Ло Каю ручку, светится улыбкой, громко топает по сту-
пенькам босыми по какой-то неведомой причине ногами и
выглядит слишком странно для посетителя кафе. Его волосы
все собраны почти на самой макушке, закручены и неряш-
ливо заколоты длинной кистью для рисования, на нем сво-
бодная черная футболка в каких-то разноцветных пятнах, и

да, он действительно босиком.

Девушка, готовившая для Ло Кая кофе, смеется, прикрыв рот ладонью.

– Цай Ян, у тебя краска на лице!

– Да я знаю, не обращай внимания, – машет рукой тот и проводит большим пальцем по щеке, еще больше размазывая розовый след от краски. Он кладет на барную стойку свой телефон и перегибается через нее, чтобы дотянуться до пачки салфеток. – Вот это мне и нужно!

– Ты сегодня закончишь? – спрашивает бариста. – Шеф обещал приехать к двенадцати.

– Да-да, уже почти. И чего ему не спится в выходной? – продолжая улыбаться и при этом недовольно морща нос, говорит Цай Ян.

– У него нет выходных. Так что поторопись.

– Будет сделано, Ячи-сан. – С этими словами он подмигивает и взлетает по лестнице на второй этаж, перепрыгивая через одну ступеньку.

Девушка, проводив его взглядом, качает головой и возвращается к своим делам. Ло Кай, вздохнув, следует ее примеру. Он снова тянется к своему кофе и делает глоток, понимая, что тот стал совершенно холодным – в помещении всю мощь работает кондиционер, так что это неудивительно.

Ло Кай, не желая лишний раз беспокоить бариста и подзывать ее, сам подходит к стойке.

– Кофе, пожалуйста.

– Вам покрепче? – спрашивает девушка, наклоняясь и почти целиком скрываясь за баром. Оттуда слышится звон стаканов.

– Да.

Когда она выпрямляется, Ло Кай обращает внимание на бейджик на ее груди: «Ячи».

– Сейчас сделаю.

Ячи подходит к большой кофеварке и всплескивает руками, бросив взгляд на барную стойку.

– Надо же! Цай Ян оставил телефон.

Ло Кай смотрит на смартфон рядом с подносом, заставленным чайными чашками. По темному экрану идет размазанная светло-розовая полоса. Наверное, Цай Ян разговаривал по нему, прежде чем спуститься вниз, потому что след на его лице точно такой же. Едва он успевает об этом подумать, телефон загорается и начинает вибрировать, высвечивая фотографию маленького ребенка лет двух, сидящего на коленях у молодой девушки. Наверное, это его супруга и их сын, которого Ло Кай тогда встретил в магазине. «А-Бэй» – написано на экране. Однако это странно: по вежливой речи мальчика скорее можно было подумать, что он говорит с наставником или учителем, а не с отцом.

– Ох, – выдыхает Ячи. – Нужно отнести, Бэй-кун звонит. – Она делает несколько шагов, чтобы обойти стойку, но останавливается на полпути. – А как же я кассу оставлю? Такэда-сан! – кричит она громко. – Такэда-сан, подмени меня!

Никто не отвечает.

– Такэда-сан!

Ло Кай вздыхает и берет телефон со стойки.

– Давайте я отнесу. На второй этаж? – спрашивает он.

– О, что вы, не нужно, вы не должны! – выставив перед собой раскрытые ладони, протестует бариста. – Присаживайтесь, я сейчас принесу вам ваш кофе.

– Мне несложно.

Ячи быстро кланяется несколько раз и кивает.

– Спасибо большое! Извините нас! Да, на второй этаж. Там лента, чтобы посетители не входили, у нас ремонт. Просто снимите ее, крепление сбоку у перил.

– Хорошо.

Ло Кай поднимается по лестнице, которая с поворотом уводит в сторону, на второй этаж, где находится еще более просторный зал. Все столы сдвинуты к одной стене, стулья перевернуты и сложены друг на друга, как яичная скорлупа. Он снимает закрывающую проход ленту у самого конца лестницы и идет в глубь помещения, откуда слышится приглушенная музыка.

Цай Яна он обнаруживает в самом дальнем углу у окна. Тот сидит на полу, скрестив ноги и согнувшись так, что со стороны кажется, что он почти упирается лбом в стену. Вся стена от потолка до паркета представляет собой целую картину, на которой Ло Кай видит порт или причал с многочис-

ленными сампанами² у берега, дома в традиционном стиле на заднем плане и, насколько хватает глаз, реки и пруды. На пристани легкими мазками нарисованы фигуры людей в свободных голубых одеяниях.

Подойдя ближе, Ло Кай понимает, что Цай Ян слушает музыку в наушниках. Она так громко играет, что ее вполне можно различить, несмотря на них.

– Простите! – громко произносит Ло Кай.

Никакой реакции. Ло Кай прочищает горло и говорит, еще сильнее повышая голос:

– Господин Цай! Вам звонит сын.

Не дождавшись ответа, он подходит сбоку и на мгновение забывает, что хотел сказать. Красивая роспись, украшающая стену, рождается под чужими руками буквально на глазах. Ее явно рисуют не первый день, так как Ло Кай бы обратил внимание, если бы краска на верхней части, которую он видел со своего места до этого, была свежей. Зато внизу, где, почти сложившись пополам, сидит Цай Ян, она блестит, только что нанесенная. Немного размытые, рваные, словно смазанные порывом ветра очертания лепестков, насыщенная акриловая краска розового и белого цветов, мягкое распределение светотени. Ло Кай без труда узнает в нарисованном крупном цветке лотос.

Он какое-то время стоит, просто наблюдая за движениями его руки и кисти. Чужой телефон уже давно перестал виб-

² Сампан – китайская дощатая плоскодонная лодка.

рировать в пальцах, но отдать его все равно нужно, так что Ло Кай со вздохом наклоняется, протягивает руку и касается чужого плеча.

Цай Ян вздрагивает и резко поворачивается всем корпусом, вскидывая голову. Кисть, которую он продолжает держать в руке, от такого быстрого движения оставляет росчерк на рисунке и... розовую полосу на рукаве белого пиджака Ло Кая.

– Ох, черт! Вы что здесь делаете? – спрашивает Цай Ян, второй рукой вынимая из ушей наушники, потянув за провода. Они подключены к небольшому планшету, который лежит перед ним на полу. Неудивительно, что и на этом экране тоже следы краски. Ло Кай успевает подумать, что, дай этому человеку волю, он испачкает все в зоне досягаемости в своих творческих порывах.

Он опускает взгляд на измазанный краской рукав, потом молча протягивает Цай Яну его телефон.

– А? Что он делает у вас? – вскидывает брови Цай Ян.

– Вы забыли его внизу на стойке.

Цай Ян, словно не веря, что это действительно его телефон, откладывает кисть на подставку и возится, проверяя карманы.

– И правда. Спасибо.

Он наконец-то забирает свой телефон, и Ло Кай выпрямляется, продолжая осматривать пятно на одежде. Если в ближайшие три часа не принять меры, с пиджаком можно будет

попрощаться.

Его удивлению нет предела, когда он слышит сдавленный смех. Он смотрит на Цай Яна перед собой сверху вниз, пока тот, закрывая рот тыльной стороной ладони, чтобы еще больше не испачкать лицо, смеется, поглядывая на него.

– У вас такой вид, словно я вам руку отгрыз.

– Глупость! – срывается с языка быстрее, чем Ло Кай успевает себя остановить.

Цай Ян качает головой и убирает руку от лица, поднимаясь на ноги.

– Ладно, извините, я не специально. Но я правда чуть из штанов не выпрыгнул, когда вы подошли, – сюда не пускают посетителей.

– Ячи-сан была занята. А вам звонили, – коротко объясняет Ло Кай. Его уже начинает раздражать эта ситуация – он должен был все это время провести за работой, а вместо этого занимается непонятно чем.

Цай Ян смотрит на свой телефон, потом быстро что-то набирает, пачкая экран еще больше, и убирает его в карман. Вот у кого одежда точно не отстирается.

– Спасибо, что принесли его. Сейчас.

Он наклоняется и цепляет с пола тонкую тканевую салфетку и, найдя на ней чистый угол, делает шаг к Ло Каю и берет его за запястье.

– Что вы делаете? – попытавшись отстраниться, спрашивает Ло Кай. Цай Ян лишь крепче сжимает пальцы на его

руке.

– А на что это похоже? – спрашивает он и на удивление осторожно касается салфеткой пятна, убирая излишки краски. – Теперь вас спасет холодная вода и немного терпения, – добавляет он и отпускает его руку.

Ло Кай невольно делает шаг назад и хмурит брови. Потом переводит взгляд на картину на стене.

– Красивая работа.

– Да, – без излишней скромности отзывается Цай Ян, поворачиваясь к своему творению. – Похожая роспись была в доме, где я вырос. Не уверен, что полностью ее воссоздал, но...

– Эпоха династии Сун, судя по всему? – задумчиво говорит Ло Кай, подходя ближе к стене. – В то время были шестигранные или восьмигранные пагоды. Вы позволите?

– Что?

– Лишь пара штрихов, и ваша картина будет носить историческую достоверность.

Цай Ян рядом удивленно присвистывает.

– Ну ничего себе. Да эту крошечную пагоду почти не видно, она на фоне. Вы историк или вроде того?

– Вроде того, – соглашается Ло Кай. – И даже фон имеет значение.

Цай Ян пожимает плечами и наклоняется, чтобы передать ему чистую кисть. Пока Ло Кай занимается строениями на фоне, он возвращается к лотосу, корректируя и поправляя

линию, которая появилась из-за его дрогнувшей руки.

– Честно говоря, не вижу особой разницы, – усмехается Цай Ян через какое-то время. – Но вам, конечно, виднее.

Ло Кай ничего не говорит, только опускает на него взгляд. Цай Ян широко улыбается ему, сидя на полу и сложив руки на коленях.

– Господин Цай, вы...

– Хватит формальностей. Зовите меня Цай Ян.

– Хорошо.

– А... вы?

– Ло Кай.

Цай Ян кивает и хочет сказать что-то еще, но его сзади окликает детский голос:

– Господин Цай!

Он разворачивается, продолжая сидеть на полу, и с улыбкой машет рукой.

– А-Бэй, я же написал, чтобы ты ждал меня дома.

Пришедший мальчик смотрит на него совершенно серьезно и, нахмурившись, показывает пакет из магазина 7-Eleven³, вытянув руку с ним перед собой.

– Снова без завтрака?

Цай Ян закатывает глаза.

– Да-да, знаю, глупый я, опять не прислушиваюсь к мудрым советам несносного ребенка!

Мальчик качает головой, подходит ближе и ставит перед

³ 7-Eleven – знаменитая сеть продуктовых супермаркетов в Азии.

ним пакет. Потом приветливо улыбается Ло Каю.

– Здравствуйте, господин! Рад вас снова видеть!

– Снова? – перестав копаться в пакете, в котором Ло Кай замечает сэндвичи и еще что-то съестное, переспрашивает Цай Ян.

– Мы же виделись в магазине на этой неделе, – поясняет мальчик.

– А-а, вот почему твое лицо показалось мне знакомым, Ло Кай! – подняв указательный палец, говорит Цай Ян. – У меня всегда была отвратительная память, прости.

Их разговор прерывает поднявшаяся на второй этаж бариста Ячи. У нее в руках поднос с одиноко стоящей на нем чашкой.

– Господин, ваш кофе уже остыл, я сделала вам новый. Вы спуститесь? – обращается она к Ло Каю.

Ло Кай кивает.

– Я просто обязан тебя чем-нибудь угостить, Ло Кай, – вскакивает на ноги Цай Ян.

– Почему?

– Как почему? Я испортил твой пиджак, к тому же ты помог мне с картиной. Идем, здесь прекрасный блинный торт.

– Я не ем сладкое.

– Поверь, ради этого начнешь. Ячи-сан, не против, если я перекушу на первом этаже? – спрашивает Цай Ян по-японски, указывая на пакет на полу.

Бариста кивает.

– Не против, посетителей все равно нет.

Они вместе спускаются на первый этаж, и Ло Кай возвращается к своему столику с ноутбуком, который давно погрузился в режим сна. Ячи ставит перед ним чашку с кофе. Ло Кай успевает только коснуться тачпада, когда его окликает Цай Ян:

– Мы там все не уместимся! Ло Кай, иди к нам!

Они с мальчиком сидят за столиком на четверых. Ло Кай с досадой смотрит на документ, с которым за этот день едва ли смог поработать, но все же закрывает крышку ноутбука и идет, захватив только свой кофе. Цай Ян, увидев, что он все-таки согласился к ним подсесть, снова расплывается в улыбке. Его одежда по-прежнему запачкана краской, часть волос выбилась из пучка, который держится на макушке лишь благодаря кисточке для рисования, но пятен на лице уже нет.

Когда Ло Кай усаживается на свободный стул, к столу подходит Ячи с тарелочкой, на которой возвышается кусочек блинного торта с кремом из зеленого чая.

– Попробуй! Это очень вкусно, – веско говорит Цай Ян, откусывая кусок от своего сэндвича из магазина.

Ло Кай качает головой. Он действительно не любит сладкое и никогда не понимал, почему многие люди жить не могут без шоколадок и тортов. Он переводит взгляд на мальчика, который мирно мешает ложкой матча-латте.

– Может, Цай Бэй будет?

Этот простой вопрос вызывает совершенно неожиданную

реакцию у обоих. Улыбка исчезает с лица Цай Яна, и вместо нее на нем появляется странное потерянное выражение. Мальчик же просто вздрагивает, и ложка из его руки падает на пол. Он тут же краснеет и пытается объясниться:

– Простите... Я не... Мы...

– Мы не отец и сын, – помогает ему Цай Ян, ныряя под столик и поднимая ложку. Когда он снова садится ровно, он уже опять улыбается.

– Я *Сун* Бэй, – тихо говорит ребенок, но потом, словно взяв себя в руки, открыто смотрит на Ло Кая и тоже растягивает губы в улыбке.

Ло Кай кивает, чувствуя себя виноватым за такую ошибку. Значит, его сомнения были небеспочвенны. Кто же они друг другу?

– Прошу меня извинить, – говорит он.

Цай Ян только машет рукой, вновь принимаясь за сэндвич.

– Ничего. Так кем ты работаешь, Ло Кай? – переводит он тему.

– Я реставратор.

– Ничего себе! А что именно ты реставрируешь?

– Мы работаем вдвоем с братом. Он специализируется на книгах и предметах старины, а я – на музыкальных инструментах и архитектуре.

Цай Ян задумчиво кивает.

– Трудная работа.

– А ты художник? – спрашивает Ло Кай.

Цай Ян усмехается.

– И снова мимо. Мои навыки в рисовании лишь помогают мне подработать время от времени. Хозяин этого заведения знакомый моего друга, потому меня и попросили нарисовать что-нибудь. А так я берусь за любую работу.

От внимания Ло Кая не ускользает то, какой грустный взгляд после этих слов бросает на Цай Яна Сун Бэй, прежде чем снова посмотреть в стол.

Какое-то короткое время они молчат, но потом телефон Цай Яна, лежащий на столе, оживает. Посмотрев на экран, тот вскакивает на ноги и ударяет себя ладонью по лбу.

– Черт! Я совсем забыл! А-Бэй, бежим срочно домой!

– Но...

Цай Ян не слушает возражений и берет Сун Бэя за руку, заставляя встать и утягивая за собой к выходу.

– Быстро-быстро! Ло Кай, извини! – бросает он, и Ло Кай кивает, хотя оба уже исчезают за дверью, которая звякает колокольчиком, закрывшись за ними. Он слышит лишь, как Сун Бэй кричит:

– Господин Цай, а счет?

Ло Кай вздыхает, встает из-за стола и подходит к барной стойке, за которой Ячи моет высокие бокалы для шампанского.

– Ох, они ушли? – вскинув голову, спрашивает девушка.

– Да.

– Ясно. Придется вычесть сумму счета из оплаты за роспись, – говорит она, отставляя бокал в сушилку.

Ло Кай качает головой и, еще раз посмотрев на дверь, достает из бумажника и кладет на стойку купюру в пять тысяч йен.

* * *

Цай Ян настолько устает за день, что вырубается на маленьком диванчике на кухне. Вокруг на полу валяются пакеты, которые сегодня доставили из магазина товаров для ремонта. Если бы он опоздал еще на пару минут, задержавшись в кофейне, ждать бы его никто не стал и пришлось бы заказывать все заново. У него нет сил убраться, и он решает сделать это завтра. Хотя завтра ему, кажется, нужно работать в баре в Сибуе. Правда, он совершенно не помнит, во сколько ему надо туда приехать. Ничего, посмотрит сообщение от менеджера, когда проснется. Он слишком устал.

Он почти не замечает, как на кухне гаснет свет, а на плечи ложится что-то теплое и мягкое, и окончательно проваливается в сон.

Ему снится дом в Китае, в котором он так часто бывал в детстве. Он идет по широкому коридору, разглядывая семейные фотографии на стенах. Мао Янлин в смешном розовом платье, которое такое длинное, что подметает подолом пол, и Мао Линь с ней рядом с очень суровым лицом, что

неудивительно, учитывая, как он всегда ненавидел фотографироваться. Госпожа Мин, неизменно красивая и всегда без тени улыбки на лице, под руку с супругом Мао Тайхуа на каком-то приеме или у кого-то в гостях. На этом фото они еще совсем молодые. На другом снимке – доктор Сун, пожимающий руку Мао Тайхуа, а за ними – вывеска со строгими золотыми иероглифами: «Приют Белый Лотос».

Цай Ян улыбается во сне, тянет руку к этой фотографии, но она вдруг вспыхивает огнем, обжигая кончики пальцев. Рамка падает на пол, стекло бьется, рассыпаясь под ногами. Цай Ян вздрагивает и пятится назад, пока спину не обжигает ледяной волной крик А-Бэя:

– Господин Цай!

– А-Бэй! – зовет он. – А-Бэй, где ты?

Цай Ян крутится на месте, пытаясь понять, откуда слышится голос. Звук словно доносится со второго этажа. Он бежит по коридору в сторону лестницы, но стоит ему коснуться перил и начать подниматься, как она начинает рушиться под ногами ступенька за ступенькой.

– Господин Цай!

Он все же проваливается, не успев перенести ногу, и вздрагивает всем телом, когда падает вниз. Цай Ян подскакивает, не понимая, где он. С плеч падает плед, и до сознания медленно начинает доходить, что он на кухне в их токийской квартире.

– Господин Цай! – снова доносится до ушей. Теперь уже

это реальность, а не сон. За голосом А-Бэя следует звук разбитого стекла.

Путаясь в ногах и едва не спотыкаясь о пакеты, которые так и не убрал, Цай Ян выбегает в коридор, а оттуда – в дальнюю комнату рядом с ванной. Он распахивает дверь и видит в темноте, едва озаряемой городским светом из окна, А-Бэя, который держит за руки своего дядю, Сун Чана, сидящего на кровати. Того всего трясет.

– Сун Чан! – Цай Ян быстро подлетает к ним и помогает А-Бэю удержать его. – Сун Чан, все хорошо! Сейчас.

Он забирается на кровать, чтобы дотянуться до тумбочки, открывает ящик и шарит в нем рукой, но ничего не находит. Как он мог забыть положить сюда лекарство с последнего раза?

– Черт! А-Бэй, в ванной шприцы и ампулы. Набери два с половиной кубика, как обычно. Сможешь? – просит он, перехватывая руки Сун Чана своими. Если его не держать, он может покалечиться.

А-Бэй поднимает на него взгляд, твердо кивает и бросается вон из комнаты. Сун Чан что-то мычит, крепко стиснув зубы. Его волосы все взмокли от пота, руки еле получается удерживать даже у Цай Яна. Как он мог так крепко заснуть, что не услышал сразу, как звал его мальчик?

– Все хорошо, все хорошо, слышишь меня? Сун Чан, все в порядке, ты дома, – проговаривает Цай Ян как заученную мантру. Это мало помогает, точнее, никогда не помогает, но

ему больше ничего не остается.

Сун Чан вдруг вздрагивает всем телом, вырывает одну руку и сильно толкает его в грудь. Не удержавшись, Цай Ян падает с кровати, выставляя ладонь для опоры. Пальцы тут же обжигает болью.

– Черт! – ругается он, чувствуя, как пачкает кожу теплое и липкое. На полу в темноте мало что видно, и он включает ночник. Сун Чан продолжает мычать и всхлипывать. Ночник специально поставлен на самый минимум, чтобы не пугать Сун Чана ярким светом еще больше, а потому особо светлее не становится. Но этого достаточно, чтобы увидеть, обо что он порезался, – на полу лежат осколки разбитого стакана.

В комнату вбегает А-Бэй, сразу протягивая ему шприц и влажный, остро пахнувший ватный диск. Цай Ян кивает, не обращая внимания на испуганный взгляд мальчика, который тот бросает на кровь на его руке. Он разберется с этим позже.

– А-Бэй, иди, я справлюсь, – говорит Цай Ян, обхватывая дрожащего и продолжающего мычать сквозь крепко стиснутые зубы Сун Чана за плечи. – Ну же, иди. – Он ободряюще улыбается, дожидаясь от него кивка.

Он уже привычно захватывает руку Сун Чана так, чтобы он не дергал ею, прижимает его крепко к спинке кровати и делает укол в вену. Через пару мгновений чужое тело расслабляется и обмякает, и Цай Ян, выдохнув, отпускает его, садясь рядом и убирая взмокшие волосы с его лба.

– Вот так, все хорошо. Ничего страшного.

– Цай Ян? – слабо зовет Сун Чан и открывает наконец глаза, хотя его взгляд все еще расфокусированный. Цай Ян даже не уверен, что тот его видит.

– Да, это я. Все нормально, уже все прошло, – говорит он, надевая на иглу колпачок и откладывая шприц на тумбочку.

– Прости, я... – облизывая пересохшие губы, бормочет Сун Чан. – А-Бэй был здесь?

Цай Ян с мгновение молчит, потом качает головой.

– Нет. Не волнуйся, ты его не разбудил.

Сун Чан кивает и снова просит прощения как заведенный, переводя на Цай Яна уже осмысленный взгляд. Он всегда так делает после приступов – готов извиняться до хрипоты.

– Ничего-ничего, – кивает Цай Ян, держа порезанную руку за спиной, чтобы Сун Чан не увидел. – Сегодня сюда приехали эти ребята из доставки, даже меня они умотали. Ты просто устал. Спи.

– Я ничего... – начинает Сун Чан, но Цай Ян его перебивает.

– *Ничего*, – с нажимом говорит он. – Ты ничего не сделал. Спи.

Цай Ян протягивает руку и гладит Сун Чана по плечу. У него ледяная кожа, и это ощущается даже через рукав футболки. Лекарство совсем скоро должно подействовать в полную силу, и он просто спокойно заснет. Порезанные осколками пальцы неприятно пощипывает, от удара сложно вдохнуть полной грудью, но Цай Ян не обращает на это внима-

ния. Через некоторое время глаза Сун Чана начинают закрываться. Когда его дыхание выравнивается, Цай Ян выдыхает и тянется к ночнику, чтобы выключить его.

Его взгляд падает на фотографию на тумбочке почти у самой стены в деревянной рамке без стекла. С нее улыбается совсем еще юная Сун Цин, сестра Сун Чана. Она стоит у сидящего за школьной партой брата за спиной и, наклонившись, обнимает его сзади за шею.

Цай Ян улыбается ей в ответ, стараясь игнорировать горечь, растекающуюся внутри, и гасит свет.

Глава 2. Капли

*Can't you hear my call?
Are you coming to get me now?
I've been waiting for
You to come rescue me
I need you to hold
All of the sadness I can not
Living inside of me.*

➤ *Sia – I'm in Here*

Морозящий дождь не прекращался весь день. С неба просто мерно и мелко лилось, будто где-то там, наверху, прохудились грузные облака, став похожими на сито, через которое просеивали муку. Цай Ян медленно брел по узкому переулку, слушая, как шумят капли, ударяясь о неровный асфальт и уже успевшие образоваться лужицы. Он слышал лишь этот звук да как бурчит в животе от голода. Болела голова, но к этому ощущению он уже привык, куда больше его беспокоили укусы на руках, которые никак не хотели нормально заживать. Когда на него три дня назад напали собаки, он убежал, но одна все же успела наброситься и повалить его на землю. И Цай Ян поранился о ее зубы, закрывая лицо и пытаясь отпихнуть от себя оскаленную пасть. Если бы не тот мужчина, который отогнал зверюгу, пришлось бы совсем

худо. Цай Ян же просто убежал куда глаза глядят, лишь бы подальше, и бежал до тех пор, пока в легких не начало гореть огнем.

Он поковырял корочку на ранке на предплечье, которая от влажности начала отставать, под ней неприятно щипало и покалывало. Цай Ян вспомнил, как мама всегда обрабатывала его разбитые коленки. Когда он начинал жаловаться, что щиплет, она улыбалась и дула на ранку, а потом рисовала ватной палочкой в йоде рядом, на здоровой коже, какую-нибудь смешную рожицу с высунутым набок языком. И Цай Ян разглядывал ее, вертясь и так, и эдак, потому что картинка была вверх ногами, и рожица смотрела на маму, а не на него. Про боль он быстро забывал.

Цай Ян не понимал почему, но мама и папа однажды просто не вернулись домой. Он прождал их всю ночь, сидя в коридоре на полу, но они так и не появились. Зато на следующий день к вечеру под дверью какое-то время раздавались странные звуки, но ему было слишком страшно открыть ее, чтобы посмотреть, а до глазка он в свои едва исполнившиеся шесть не доставал. Потом в их небольшую квартиру вошли какие-то люди. Кажется, четверо. Цай Ян никого из них не знал, но они говорили, что он должен пойти с ними.

Как? Почему? Мама лишь пошла в магазин купить лимон, чтобы приготовить карамель для фруктов. Цай Ян обожал маленькие яблочки в карамели, которые она делала ко дню его рождения, причем всегда заранее, в вечер перед ним,

словно они праздновали Новый год и ждали наступления полночи. Папа пошел ее проводить. Они сказали, что их не будет всего пятнадцать минут!

– Я не пойду! Я жду маму и папу! – пытался объяснить Цай Ян какой-то женщине в длинном пальто, которая хотела взять его за руку.

– Надо пойти, ты не можешь быть тут один, – говорила она.

Ему необходимо было найти маму и папу. Он знал, в какой магазин они должны были отправиться, он совсем рядом с их домом. Увернувшись от чужих, пахнущих незнакомыми духами рук, Цай Ян выбежал из квартиры и со всех ног бросился на улицу, забыв про куртку и обувь.

В магазине было слишком много людей, и Цай Ян около получаса бродил вокруг стеллажей с фруктами и овощами в поисках родителей. Тогда он решил посмотреть в другом отделе. Может, мама решила купить к его дню рождения что-то еще?

Но он почти закончился, день рождения. Ему уже шесть. А они до сих пор не пришли.

Он так и ходил, всматриваясь в лица людей, пока к нему не приблизился охранник.

– Где твои родители?

Цай Ян не знал, где они. Но должен был найти их. Почему все взрослые лишь просят пойти с ними и ничего не объясняют?

Убежав от охранника в магазине, Цай Ян снова отправился к дому, но около припаркованной у тротуара машины стояли те люди. Если они увезут его, он не сможет отыскать маму и папу.

На нос приземлилась крупная дождевая капля, и Цай Ян, очнувшись от воспоминаний недельной давности, почесал его и поморщился. Он был уверен, что найдет дорогу до места, где работала мама, но вот уже три дня словно ходил по одному и тому же району. Ему казалось, что где-то здесь они проезжали на машине, когда она брала его с собой. Но куда они потом сворачивали?

Его мысли резко оборвались на середине, когда за спиной раздался оглушительный лай. В голове, которая и без того болела и кружилась, он прозвучал как громкий звук колокола. У Цай Яна было ощущение, что собака прямо за его спиной, наверное, та самая, которая уже покусала его! Она вернулась, она нашла его!

И никого вокруг, совершенно никого! Не обернувшись, он сорвался с места, не обращая внимания на то, как качнулось все вокруг, когда он только начал бежать. За спиной царапнули землю когти, и Цай Ян на ходу все же повернул голову назад. Да, это собака! Даже еще больше, чем предыдущая! Черная и огромная!

Вскрикнув, он побежал еще быстрее, заставляя ослабшие ноги двигаться. Носки, в которых он тогда выскочил из дома, уже все промокли и протерлись на пятках, но это все же было

лучше, чем ничего. Он боялся людей все это время, потому что они мешали ему искать маму и папу и только задавали свои странные вопросы, но теперь ему очень хотелось, чтобы на пути появился хоть кто-нибудь.

Переулок перед глазами дрожал, как при землетрясении, а потом вдруг картинка смазалась, и Цай Ян запутался в собственных ногах. Он, пошатнувшись, оперся вытянутой рукой о мокрую стену какого-то здания, уговаривая себя бежать дальше. Лай был все ближе! Эта собака просто сожрет его, и он не сможет отыскать родителей!

– Мама!

– А ну пошла отсюда! – прозвучал сквозь шум дождя чей-то голос. – Фу!

Осевший на землю Цай Ян осмелился открыть глаза. Какая-то девчонка в темно-красной курточке с огромным зонтиком, который был, казалось, больше нее самой, кричала на собаку. Та лаяла и припадала к земле. Цай Ян хотел закричать, чтобы девчонка убежала, потому что собака сейчас сожрет и ее, но застрявший в горле ком не дал ему произнести ни звука. Он никогда не видел, чтобы девочки вели себя так отчаянно. Все они боялись даже крошечных насекомых и разбегались врассыпную, когда он показывал им жучка!

– У меня камень! Сейчас я тебя! – крикнула девчонка и резко наклонилась, делая вид, что поднимает что-то с земли и бросает.

Это подействовало! Собака развернулась и отбежала от

нее, но потом снова остановилась и залилась лаем.

– Я что сказала?! Прочь!

Ей все же удалось найти что-то на асфальте, и в сторону собаки полетела пластиковая крышка от бутылки. Та наконец убежала, скрываясь за поворотом. Девчонка притопнула ногой, хотя собака уже не могла ее видеть. От этого движения с ее большого зонта, который она так и не выпустила из одной руки, осыпались крупные капли.

– Эй, – уже тише сказала она, приближаясь к Цай Яну. – Ты как?

– Убежала? – спросил Цай Ян, вытягивая шею, чтобы посмотреть в конец переулка.

– Убежала-убежала, – твердо отозвалась девочка. – А с тобой что?

Не дожидаясь, пока он ответит ей, она присела рядом и взяла его за запястье. Ее пальцы были мокрыми, но все равно теплыми. Цай Ян смог разглядеть ее получше, пока она зачем-то осматривала его руки и трогала царапины – на удивление не больно. Она явно была старше него, хоть и ненамного. Заплетенная набок толстая коса немного растрепалась; красная лента у самых кончиков развязалась из банта и теперь висела, держась только на одном узелке. А еще у нее были смешные уши, маленькие и сильно торчащие по бокам головы. Точнее, Цай Ян видел только одно – второе было скрыто волосами.

Он тихо усмехнулся.

– И чего смешного? – строго спросила девчонка и посмотрела на него серьезными темными глазами.

– Мама говорит, что лопухие люди добрые.

– Ты кого лопухой назвал?! – тут же вспыхнула девчонка, едва не уронив от негодования зонтик им обоим на головы.

– Эй, это же, наоборот, хорошо! – попытался оправдаться Цай Ян.

– Зовут тебя как?

– Цай Ян. А тебя?

– Сун Цин. Еще раз назовешь меня лопухой, я тебе все кости переломаяю!

Цай Ян поднял обе руки признавая поражение, и улыбнулся. Он только сейчас понял, что Сун Цин оказалась первой, с кем он нормально разговаривал за эту неделю. А он очень любил разговаривать.

– А сколько тебе лет? – спросил он.

– Восемь.

– А мне шесть. Только недавно исполнилось.

– Поздравляю, – без тени радости сказала Сун Цин. – Идем, здесь холодно.

Она поднялась на ноги, осыпав Цай Яна каплями с зонта. Заметив, что он не последовал ее примеру, она пристроила зонтик на земле, наклонилась и обхватила его руками за талию.

– Ты меня не поднимешь, я тяжелый, – сказал Цай Ян, продолжая улыбаться.

– Не ты тяжелый, жизнь тяжелая, – веско пробормотала

Сун Цин, вдохнула поглубже и дернула его вверх, ставя на ноги.

Голова продолжала болеть и кружиться, но Сун Цин крепко, даже чересчур для такой худенькой девчонки, держала его за локоть.

– А куда мы пойдём? – спросил Цай Ян, стараясь не сильно опираться на ее руку.

– К моему папе. Он врач, он тебе поможет. Когда я вырасту, я тоже стану врачом.

– Так вот почему тебя так заинтересовали мои царапины!

– Да. И они у тебя воспалились, – тоном профессора сказала Сун Цин. – Так что идем. Здесь совсем недалеко.

И они пошли. Зонтик мешался, но с ним все же было лучше, чем без него, так как теперь на голову хотя бы не лилось, как из душа. Дождь за это время только усилился, а еще начало темнеть. Осень в Китае всегда наступала очень внезапно, словно лето исчезало с улиц лишь за одну ночь.

Сун Цин вывела его из переулка и пошла по улице, держа его за запястье чуть ниже следов от зубов собаки. Цай Ян успел подумать, что она будет хорошим доктором, ведь даже в такой ситуации она помнила о том, что ему может быть больно, если она неосторожно возьмет его за руку. Встречавшиеся им люди странно смотрели, но не подходили. С кем-то Сун Цин даже поздоровалась, но чаще лишь закрывалась зонтом, держа его низко-низко, чтобы видно было лишь тротуар под ногами с крупной серой плиткой.

Совсем скоро они остановились, и перед глазами Цай Яна оказались широкие, но невысокие ступени. Сун Цин уверенно потащила его по ним наверх, и Цай Ян все же выглянул из-под зонта, заметив довольно большой дом в три этажа с несколькими пристройками. Под сводом крыши было большое резное деревянное украшение в форме распустившегося лотоса. Над тяжелыми дверями он заметил надпись золотыми иероглифами, но не смог ее полностью прочесть, разобрав только одно слово – «лотос».

Сун Цин покопалась в кармане куртки, отпустив руку Цай Яна, который уже мог стоять сам, и вытащила связку ключей. Один ключ был длинным и большим – именно им она открыла дверь и ввела его внутрь. Первым, что бросилось в глаза в широком зале, в котором они очутились, оказалась роспись на стене. Цай Ян присмотрелся. На ней были изображены реки и пруды, деревянные лодки и люди на причале, целое поселение на заднем плане, даже можно было разглядеть дома и их крыши с загнутыми и приподнятыми сводами. Внизу картину украшали крупные ярко-розовые и белые цветы. Цай Ян успел увидеть еще и лестницу, уводившую на второй этаж, и мальчишку в темной толстовке на ней, который перевешивался через перила и хмуро смотрел на него. Цай Ян улыбнулся и помахал ему рукой, но тот не ответил, только нахмурился еще сильнее и исчез, взбежав по ступенькам наверх.

Освещение было не очень ярким, что даже радовало. За-

то было очень тепло. Проведя неделю на улице, Цай Ян уже забыл, что может быть так тепло. Глаза почти сразу начали закрываться.

– Не спи на месте, идем, – сунув закрытый зонтик в подставку, скомандовала Сун Цин и потащила его в уводящий куда-то в сторону от лестницы коридор, хотя Цай Яну интереснее было бы посмотреть, что там на втором этаже, где скрылся незнакомый мальчишка.

Они прошли еще немного, и Сун Цин остановилась перед самой обычной светлой дверью. Она подняла руку и постучала, но не стала дожидаться, пока ей разрешат войти, а сразу же открыла ее и впихнула Цай Яна внутрь, заходя следом.

Пахло как в больнице. Цай Ян помнил этот запах, потому что так пахло, когда болела бабушка. Это было плохо. Папа потом плакал, и это был единственный раз, когда Цай Ян видел, как он плачет. Мама сказала, что бабушки не стало. Цай Яну было четыре, и он не понимал, что такое «не стало». Она же была. День назад он сидел у ее кровати и рассказывал ей истории, которые выдумывал на ходу. И больше ее не видел.

Могло ли так случиться, что мамы и папы тоже «не стало»?

Цай Ян закусил губу и опустил взгляд в пол.

– Папа! – позвала Сун Цин.

– А-Цин! – послышался возглас, и Цай Ян поднял голову. Из-за белой ширмы, за которой горел яркий свет, появился человек в халате и аккуратных круглых очках. – Где ты была?

– Я нашла его на улице, – словно не слыша вопроса, продолжила Сун Цин. – У него на руках укусы. Они воспалились, посмотри.

Ее отец еще пару мгновений строго смотрел на нее, потом вздохнул, покачал головой и перевел взгляд на Цай Яна. Цай Ян решил улыбнуться ему; он казался слишком взволнованным.

– Привет, я доктор Сун, – представился мужчина. – А тебя как зовут?

– Цай Ян.

– Сколько тебе лет?

– Шесть. Совсем недавно исполнилось.

– Вот как, – доктор Сун наконец улыбнулся. – Идем, нужно обработать твои царапины.

Его улыбка была очень приятной, и Цай Ян кивнул, позволяя ему взять себя за руку. Они вместе прошли за ширму, и от яркого света у Цай Яна заболели глаза. Доктор Сун усадил его на кушетку. Когда Цай Ян сморгнул выступившие на глазах слезы и осмотрелся, он заметил маленького мальчика, который сидел в уголке на стуле и смотрел на него во все глаза.

– Эй, привет! – улыбнулся ему Цай Ян.

– П... привет, – отозвался мальчик, пряча взгляд и опуская его на свои руки.

В предплечье ткнулось что-то мокрое, и Цай Ян вздрогнул от резкой боли, обжегшей кожу. Доктор Сун сказал:

– Сейчас пройдет, потерпи.

Если он хочет найти маму и папу, то действительно нужно потерпеть и не жаловаться. Тогда он сможет спросить, как добраться до места, где работала мама. Он не помнил адрес, но мог бы подробно описать его! Так что нужно не хныкать, а вести себя как взрослый. Чтобы отвлечься от боли, Цай Ян снова перевел внимание на незнакомого мальчика.

– Как тебя зовут?

– Я... я Сун Чан, – еле слышно ответил тот.

– А я Цай Ян! Мне шесть, а тебе?

– П-пять.

Цай Ян кивнул, продолжая улыбаться, хотя руку теперь жгло не переставая. Доктор Сун на мгновение отвлекся от его ран и посмотрел на него.

– Ты очень сильный мальчик. Улыбаешься, когда больно. Не все так могут.

– Да он все время улыбается, – послышался голос Сун Цин. Она сидела на кушетке у самого изголовья и болтала ногами, глядя на Цай Яна и отца. Куртки на ней уже не было, остались лишь джинсы и футболка с большим желтым цветком на груди. – Может, он дурачок?

– А-Цин, сейчас выйдешь отсюда! – строго сказал доктор Сун.

Цай Ян засмеялся. Маленький Сун Чан же из своего угла взглянул на Сун Цин широко распахнутыми глазами.

– Так вы брат с сестрой? – спросил Цай Ян, заметив, как

они похожи.

– Ага, – отозвалась Сун Цин.

– Здорово! А ты боишься собак, Сун Чан?

– Н-нет, – ответил мальчик, с удивлением посмотрев на Цай Яна.

– А змей?

– Тоже нет.

– А пауков?

– Пауков, н-наверное, боюсь, – кивнул Сун Чан, скривив губы.

– Да он всего боится, даже своей тени! – вмешалась Сун Цин.

– А-Цин! – снова одернул ее доктор Сун. Несмотря на строгий голос, он очень осторожно обрабатывал последнюю ранку на руке Цай Яна, уже почти не делая больно. Цай Ян даже смог посмеяться над перепалкой брата и сестры.

– Понял, значит, я буду защищать тебя от пауков. А ты меня – от собак, идет? – сказал он.

Сун Чан быстро-быстро закивал и наконец тоже робко улыбнулся.

– Готово, – сказал доктор Сун. – Мне нужно будет взять у тебя анализы, чтобы проверить, все ли в порядке, хорошо, Цай Ян?

Цай Ян кивнул. Очень хотелось спать – когда он оказался в тепле, тело стало ватным, а голова – тяжелой. Тупая боль в висках так и не исчезла.

– Подождешь здесь с А-Цин и А-Чаном? Мне нужно поговорить кое с кем, – продолжил доктор Сун. – Это недолго, я сразу вернусь и принесу тебе сухую одежду.

– Хорошо.

Когда доктор Сун вышел, Сун Цин спрыгнула с кушетки и подошла к Цай Яну, чтобы посмотреть на его руки. Они теперь все были в бинтах и пластырях. Девочка с интересом разглядывала работу отца, даже потыкала пальцем в одну повязку. Цай Ян отдернул руку.

– Что это за место? – спросил он.

– Приют «Белый Лотос», – ответила Сун Цин, поправляя ленту на своей косе. – Папа владеет им вместе со своим другом.

– Приют? – переспросил Цай Ян, чувствуя, как холодеет внутри.

– Да. Для сирот. Не бойся, здесь все очень хорошие. Даже дети директора Мао часто здесь бывают. Их дом совсем рядом.

Цай Ян хотел сказать ей, что ему нужно найти родителей, что он не сирота, но не успел, потому что за дверью послышались голоса. Он слез с кушетки и обошел ширму, чтобы слышать, о чем там говорят. Этого оказалось недостаточно, чтобы разобрать диалог взрослых, так что он подошел к двери и прижался к ней ухом.

– Подслушивать нехорошо, – нахмурившись, сказала Сун Цин, скрестив руки на груди, но потом все же тоже прибли-

зилась.

– Тайхуа, подожди, – услышал Цай Ян голос доктора. – Что случилось? Это тот мальчик, которого ты все это время ищешь? Цай Ян?

Сердце заколотилось как сумасшедшее.

– Да, – ответил ему другой голос, который показался Цай Яну смутно знакомым. – Коллеги его отца ездили к ним домой, но он сбежал от них. Мне тоже нужно было поехать! Я должен был поехать! А он скитался неизвестно где целую неделю.

– Сначала успокойся. Ты не можешь разговаривать с напуганным ребенком в таком состоянии, – сказал доктор Сун. – У него есть другие родственники? Бабушка? Дедушка?

– Нет. Бабушка по отцу скончалась два года назад, а про родителей матери, Мэйлин, я ничего не знаю. Она никогда о них не говорила.

Значит, те люди, которые приходили в их дом, работали с папой? Но почему папы с ними не было?

– Их сбила машина? – тише спросил доктор Сун, но Цай Ян все равно его услышал.

– Да, – помолчав, отозвался второй голос. – Прямо около дома. Обоих насмерть.

– Какой кошмар. Бедный ребенок...

Дальше Цай Ян уже не слушал. Он отпрянул от двери, будто она в момент стала раскаленной. «Насмерть»? Вот что такое – «не стало»? Это смерть. Когда уходят и больше не воз-

вращаются. Он помотал головой, продолжая отступать, пока не уперся спиной в стену.

Сун Цин отстранилась от двери и посмотрела на него. Сун Чан, который все это время стоял рядом и цеплялся за руку сестры, также повернулся к Цай Яну.

– Наша мама тоже умерла, – шепотом сказала Сун Цин.

Этого не может быть. Так не должно было быть! Если бы мама не решила приготовить для него сладости, она бы не пошла так поздно в магазин, а папа не отправился бы с ней. И они были бы в порядке!

Цай Ян прижал руки ко рту. Голова разболелась еще сильнее, пол качнулся.

Он не заметил, как к нему подошла Сун Цин. Понял лишь, что она рядом, когда девочка вдруг обняла его. От нее пахло этим кабинетом и дождем, под которым они оба промокли. Цай Ян всхлипнул.

Сун Цин вздохнула и крепче прижала его к себе своими тонкими руками. В бок ткнулось что-то теплое, и Цай Ян, повернув голову, разглядел сквозь слезы, что маленький Сун Чан подошел тоже и теперь стоял, прильнув к нему.

Голоса за дверью затихли. Слышно было, лишь как шумит за окном превратившийся в ливень дождь.

* * *

Цай Ян впервые за долгое время просыпается сам, не слы-

ша противной трели будильника. Он ненавидит рано вставать, но уже не помнит, когда получалось подольше поваляться в постели. Даже в выходные находятся либо какие-то важные дела, либо работа.

Он недоверчиво открывает один глаз. Его кровать стоит прямо рядом с окном, так что получается даже увидеть соседние дома не вставая. Несмотря на всю роскошь города, в котором он живет, застройка в Токио очень плотная. Наверное, скоро начнут строить на головах людей.

Цай Ян прислушивается. В квартире до странного тихо. Он переворачивается на бок и пытается найти свой телефон. Пару минут он безрезультатно шарит рукой по простыне, но ничего не находит. Он что, оставил его на кухне, когда заснул там прошлой ночью? Так вот почему будильника не было?

Стоп! Он что, проспал работу?! Цай Ян вскакивает, едва не наверхнувшись о пакет из 7-Eleven, напичканный пустыми контейнерами из-под готовой еды, и, натянув штаны, вылетает в коридор. На кухне никого нет, а его телефон аккуратно лежит на столе. Вздохнув, Цай Ян берет его в руку. Ничего. Еще вчера вечером оставалось процентов двадцать заряда. Он не удивится, если, включив его, обнаружит штук десять пропущенных.

Он снова выходит в коридор и прислушивается. Из комнаты Сун Чана доносится неровный звук клавиатуры, и Цай Ян осторожно стучится к нему, прежде чем приоткрыть дверь.

– Привет. Ты работаешь? – тихо спрашивает он, когда Сун

Чан оборачивается, отрываясь от ноутбука.

– Нет. – Тот улыбается, полностью разворачиваясь к нему в кресле. – Доброе утро.

– Который час?

– Почти одиннадцать, – чуть не свернув шею, чтобы посмотреть на экран, отвечает Сун Чан.

– Черт. Я не помню, куда мне сегодня нужно.

– Сегодня воскресенье.

– Кого это хоть раз останавливало? – Цай Ян вздыхает и проходит в комнату, сядя на застеленную кровать Сун Чана. Рядом с подушкой лежит, прикрыв глаза, Жучок. Он дергает ушами, когда Цай Ян тыкает его пальцем в лапу.

Этого черно-белого кота со смешными короткими лапами подарили А-Бэю одноклассники. Цай Ян не стал им отказывать, когда они спросили у него разрешения, даже поблагодарил, что вообще поставили его в известность.

И что не додумались подарить собаку.

Цай Ян щелкает кота по уху, и тот поднимает голову, недовольно глядя на него.

– Что ты смотришь на меня, крокодил? – усмехнувшись, спрашивает Цай Ян.

– Почему всегда крокодил? – уточняет Сун Чан.

– Потому что лапы короткие. – Цай Ян разводит в сторону руки и перебирает ими, как ящерица на песке.

Жучок недоуменно моргает. Сун Чан тихо смеется.

– Я сейчас посмотрю, куда тебе сегодня. Насколько я пом-

ню, рано вставать не надо было. Я не стал тебя будить, – говорит он, разворачиваясь к столу и роясь в ежедневнике. Цай Ян обращает внимание, что его руки не так сильно дрожат, как обычно. Наверное, укол с ночи еще действует. – Да, вот, тебе к четырем в Сибую.

– Точно, – выдыхает Цай Ян. – Сибую. И хватит записывать все, ты что, моя секретарша?

– Мне несложно, – мягко улыбается Сун Чан.

– Как голова?

Сун Чан опускает взгляд и приглаживает волосы, которые носит чуть длиннее, чем раньше, когда стригся совсем коротко и не нужно было прикрывать шрам над ухом.

– Лучше. Извини за то, что было ночью.

Цай Ян отмахивается. Сколько можно извиняться?

Он поднимается на ноги и оглядывает комнату. Да, работы предстоит действительно много. Имеет смысл начать сегодня, раз ему пока никуда не надо бежать сломя голову.

– Нужно будет разобрать здесь все. Хорошо, что наконец-то появилась возможность сделать в твоей комнате ремонт. Поживешь пока в одной с А-Бэем? Моя слишком маленькая, а запах краски тебе ни к чему. Обещаю, я постараюсь быстро, – говорит он.

– Может, не надо? – тихо бормочет Сун Чан. – Столько хлопот, а я даже помочь тебе не могу, – добавляет он, глядя на свои подрагивающие руки.

– Хватит-хватит, – морщится Цай Ян. – Будешь ждать, по-

ка потолок свалится тебе на голову?

Сун Чан втягивает голову в плечи.

– Кстати, где А-Бэй?

– Он пошел отправить письмо.

– А... – Цай Ян чешет в затылке и лохматит распущенные волосы. – Мы же всегда вместе ходим.

– Почтальон по воскресеньям забирает письма в десять. Он тоже не захотел тебя будить.

– Ясно, – кивает Цай Ян. – Ладно, пойду что-нибудь поем. Ты будешь?

– Я уже завтракал. А-Бэй приготовил омлет, разогрей.

– Какое у меня прекрасное дитя! – восклицает Цай Ян, уже открывая дверь, чтобы выйти.

– Цай Ян, – окликает его Сун Чан.

Цай Ян оборачивается. Сун Чан сидит, низко опустив голову и глядя на свои пальцы, которые никак не может сцепить в замок.

– Что такое?

– Сестра... Раньше приходили письма, люди писали хоть что-то. Что видели кого-то похожего, присылали фотографии. А два месяца уже ничего. Ты... ты не знаешь почему?

Цай Ян трет лоб пальцами и вздыхает. Этот разговор должен был рано или поздно состояться. Глупо было бы думать, что Сун Чан не заметит, что на электронный почтовый ящик, который все они отслеживают каждый день, больше ничего не пишут о Сун Цин. Ни словечка. Друг семьи, Фа Цаймин,

курирующий поиски, просил его сообщить Сун Чану, но Цай Ян так и не смог ему сказать. Все откладывал.

– Сун Чан, – говорит он, возвращаясь на свое место на кровати. Тот следит за ним взглядом, в котором столько вопросов и надежды, что у Цай Яна пересыхает во рту и язык прилипает к небу, не давая ничего произнести нормально. – Послушай, Фа Цаймин, как мог продлевал ее поиски. Но прошло уже восемь лет, и...

– Что? Цай Ян, они перестали ее искать? – спрашивает Сун Чан, чуть подавшись вперед.

Цай Ян протягивает руку и обхватывает его дрожащие пальцы своими.

– Кончилось финансирование. И уже прошло слишком много времени. Прости, что не сказал тебе сразу, как узнал, я...

У двери слышится какой-то шум, а потом она распахивается, и Цай Ян видит застывшего на пороге А-Бэя. Когда он успел вернуться домой?

– Что? Тетю перестали искать?

– А-Бэй! – Цай Ян вскакивает на ноги, отпуская руку Сун Чана. Жучок от его резкого движения недовольно мяукает и спрыгивает на пол.

Да. Странно было бы упрекать ребенка в том, чем сам занимался когда-то. Подслушивать нехорошо, но не когда в твоей семье вечно что-то происходит и ты уже вздрагиваешь от любого телефонного звонка. Цай Ян бы душу свою отдал

вместе со всеми возможными перерождениями, чтобы ничего подобного никогда не происходило с А-Бэем.

Только кому нужна его душа?

– Но Фа Цаймин обещал! – говорит А-Бэй. Цай Ян с болью видит, как его глаза наполняются слезами, но он сдерживает их, не позволяя пролиться. Цай Ян трусливо думает, что благодарен ему за это, потому что никогда не знает, что делать, стоит этому ребенку проронить хоть слезинку. Его это всегда пугает до чертиков, сердце прикипает к ребрам, и ни единого звука не получается из себя выдавить. Или наоборот – такой поток слов начинается, что Цай Ян и сам не понимает, что произносит. – Он обещал...

Цай Ян прикрывает глаза.

– А-Бэй, Сун Цин пропала восемь лет назад...

– Но она жива!

Цай Ян сглатывает.

– Мы не знаем этого наверняка.

– Ты сам так говорил, – тихо произносит А-Бэй, поднимая на него взгляд. Цай Ян с ужасом видит, как одна слеза все же срывается с его ресниц и падает на щеку. – Уже два месяца ее не ищут? Почему?

Цай Ян резко выдыхает и садится обратно на кровать, сцепляя руки в замок и опуская голову.

– Если ты слышал об этом, то слышал и о причинах.

А-Бэй разворачивается и уходит, в последний момент придерживая дверь, которой хотел хлопнуть, чтобы она не

громыхнула на весь дом. Скорее всего, пожалел Сун Чана и его больную голову. Даже с такими эмоциями.

– Сун Цин бы сказала, что это все мое воспитание, – проносит Цай Ян, не поднимая головы.

Плеча касаются теплые дрожащие пальцы, и он все же смотрит в глаза Сун Чану.

– Я верю, что сестра жива. И что она к нам вернется. Если не будут искать они, будем мы.

– Сун Чан...

– Что ты хочешь на день рождения? – резко переводит тему Сун Чан.

Цай Ян моргает, но решает не продолжать так неожиданно прервавшийся разговор. С А-Бэем он побеседует позже. Ему нужно дать успокоиться. И да, выплакаться. Он практически никогда не плачет при Цай Яне. Еще реже – разговаривает с ним вот так, не придерживаясь формального стиля речи, как всегда делает, если они не одни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.